

— Ну что ж, — почесав затылок, сказал я сам себе, перекладывая монеты в кошель. — Левел первый: скилы на минимуме, из бабла пятьдесят золотых, задача — захватить мир.

ПРОЛОГ

— Ма-а-а-акс! — раздался дружный, многоголосый крик со двора.

Я, сидя за столом, готовил ненавистное задание по русскому языку. Ну не виноват же я, что эта училка невзлюбила меня с первого взгляда и придиралась ко мне на каждом уроке?! А вчера так вообще за препирательства с ней вызвала мать в школу, а та потом на пару с отцом стали капать мне на мозги. Вспомнив вчерашний разговор с предками, я поморщился, настроение упало ниже плинтуса. Отодвинув от себя тетрадь и учебник, я откинулся на стуле, делать совершенно ничего не хотелось.

— Ма-а-а-акс!!! — раздался крик громче прежнего.

Я, не выдержав, встал из-за стола и подошел к окну: внизу стояла почти вся команда нашего двора и дружно кричала, вызывая меня на улицу. Они знали о моих вчерашних злоключениях, а также о том, что у меня отобран мобильник, потому и вызывали сейчас старым дедовским способом. Едва ребята увидели меня в окне, как зашумели ещё сильнее.

Высунувшись в форточку, я прокричал:

— Ну чего случилось?

— Пошли скорее играть, нас уже ждут в соседнем дворе!!

— Максим, опять холод в дом пускаешь? — раздался за спиной недовольный голос мамы.

— Сейчас иду! — прокричал я пацанам, спрыгнул с подоконника, закрыл форточку и обернулся: — Мам, я пойду, меня пацаны ждут.

После этих слов мамин голос слегка дрогнул.

— Максим, ты ведь вчера обещал сделать уроки.

— Обещал — значит, сделаю, но позже, — немного резковато ответил я и стал собираться.

— Постарайся хотя бы вернуться до прихода отца, — обиделась мать и вышла из комнаты.

Одевшись и хлопнув дверью квартиры, я бросился вдогонку за ушедшими ребятами.

«Лучше бы остался дома», — думал я, медленно поднимаясь домой по лестнице несколько часов спустя.

Нет, саму игру мы выиграли со счетом пять — два. Но вот потом, после матча, недовольные проигрышем соперники стали задирать одного из наших, и состоялось ледовое побоище, тут же, на «коробке». К сожалению, в этой битве мы проиграли, и теперь, хромя дома, я отчетливо представлял, что сейчас начнётся. Катастрофа заключалась в том, что, убегая из дома, я в спешке набросил на себя тот пуховик, в котором ходил в школу, жутко дорогой и подаренный мне отцом всего месяц назад, на день рождения, взамен предыдущего, истрёпанного от постоянных падений на лёд.

«Надо было остаться в хоккейной форме», — с горечью подумал я, ощупывая несколько сделанных лезвиями коньков прорех, из которых на ходу сыпался пух. Лицо тоже ощутимо болело, и я совершенно не горел желанием видеть, во что оно превратится завтра.

Ещё этаж, и я остановился перед дверью своей квартиры. Деваться было некуда, пришлось звонить, ключи я тоже в спешке не захватил. Вздохнув, нажал на звонок: в квартире раздалась мелодия «Собачьего вальса».

«Хоть бы не отец открыл дверь, — подумал я, — хоть бы не он».

Понятное дело, по закону подлости дверь открыл именно отец. Он в недоумении посмотрел на меня, словно не понимая, что это за чудо в перьях предстало перед ним.

— Тань, иди посмотри на своего сына.

Он позвал мать таким спокойным тоном, что я понял — неприятности мне точно обеспечены. Рассматривая меня насмешливым взглядом, он подождал, пока не подошла

мать, и только тогда впустил меня в квартиру. Зрелище, наверное, действительно было впечатляющим, поскольку она всплеснула руками, а отец насмешливо произнёс:

— Явление Христа народу.

Когда предки стали расспрашивать меня о том, что произошло, я, дёрнувшись в сторону, угрюмо буркнул:

— Подрались и подрались, чего трагедию из этого делать.

— Значит, так, — в голосе отца звякнул металл, — сегодня уже поздно выяснять отношения, поэтому иди умойся, приведи себя в порядок, а утром мы поговорим.

Я поплёлся в ванную и взглянул на себя в настенное зеркало. Не знаю, как выглядел Христос при своем явлении, но у меня видок был хоть куда. Из зеркала угрюмо пялился взъерошенный выюнош шестнадцати лет от роду, зеленоглазый, со светло-русыми волосами и, кажется, еще совсем недавно правильными чертами лица. Теперь же лицо было, мягко говоря, несимметрично. С одной стороны во всю скулу, от глаза и до носа, наливался огромный синяк, а с другой — пухло лиловым цветом когда-то небольшое ухо.

— М-да, получил, — подвёл я итог сегодняшним приключениям.

Я разделся и осмотрел своё крепкое и подтянутое тело — постоянные занятия зимой хоккеем, а летом футболом давали о себе знать. Благодаря этим увлечениям мне не приходилось стесняться, раздеваясь перед девчонками на физкультуре, в отличие от многих других ребят. Кстати, сейчас с этой частью организма тоже было не всё в порядке: на левом боку красовался довольно большой кровоподтек.

Едва я вышел из ванной и прошёл в свою комнату, как прибежала мать с полотенцем, полным льда.

— Максим, нужно приложить лёд к синякам, — сказала она, пытаясь пристроить к моему лицу полотенце.

— Я сам, — отодвинулся я от её рук, забирая полотенце, — сам всё сделаю.

— Ну сам, значит, сам, — нервно сказала мать и ушла из комнаты.

Мне стало немного стыдно за своё сегодняшнее поведение, но я сразу отмахнулся. Когда же она поймёт, что хватит со мной сюсюкаться, я уже давно немаленький!

Примерно через час я запрыгнул на кровать и попытался уснуть. Естественно, получилось не очень: в голову полезли мысли о драке и о том, что завтра скажет отец. Под аккомпанемент этих раздумий ворочался в постели до глубокой ночи. Утро настало, на мой взгляд, чересчур быстро.

Проснулся я от боли: видимо, во сне неудачно перевернулся на травмированный бок. Машинально схватившись за него, я, не сдержавшись, застонал. Кровоподтёк налился благородной синевой и зверски болел. По-стариковски кряхтя, я боком сполз с кровати и подошёл к зеркальной дверце шкафа.

— М-да-а-а, — уныло протянул я, смотрясь в зеркало: в ответ отражение состроило рожу, жуткую из-за заплывшего глаза и распухшего уха. Еще бы горб, и можно идти пробовать на роль Квазимодо.

Налюбоваться на себя мне не дали предки, которые зашли в комнату.

— Я понял уже, что тебе побоку все мои слова, — садясь на кровать, начал отец, — поэтому придётся воздействовать на тебя материально.

Я сел на стул и поморщился от досады.

— Твой мобильник останется у меня, — продолжил отец, смотря мне в глаза, — так же как и карманные деньги, и, пожалуй, я ещё заберу из комнаты свой компьютер.

— Но... — попытался я возмутиться таким несправедливым наказанием.

— Всё, Максим! По-хорошему ты не понимаешь, поэтому будем с тобой по-плохому, — спокойно, но твёрдо прервал меня отец, и я понял, что он не передумает. — Завтра тебе идти в школу, поэтому сегодня сходи купи себе куртку. Только не такую дорожную, конечно.

Отец поднялся, достал кошелек и, отсчитав деньги, протянул их мне.

— Это только на куртку! — твёрдо сказал он.

— Да понял я, не тупой. — Взяв деньги, я отвернулся и стал одеваться.

— Да, кстати, Вить, — внезапно сказала мать, обращаясь к отцу, — совсем забыла: рано утром звонил наш дед.

— Как он? — Голос отца слегка подобрел, а я стал вслушиваться в разговор родителей, деда по отцовской линии я уважал.

— Просил приехать к нему, кузню надо поправить.

Отец немного задумался, а потом ответил:

— Отлично, я как раз хотел съездить его навестить. Через неделю у Максима зимние каникулы, вот мы и поедem.

Родители вышли из комнаты, оставив меня в препоганейшем настроении. Мало того что меня лишили мобилы и бабла, так еще на зимние каникулы переться в такую даль, где не было даже телевизора!

Глава 1 ПУРГА

Никогда ещё я не ждал каникул в таком унылом настроении, и, когда нам выставили оценки за полугодие, я не был рад, что на следующий день не нужно идти в школу. Ведь завтра меня увезут в такую глушь, что там даже телевидения нет.

В четырехстах километрах от города начиналось Арчинское лесничество, в котором мой дед — папин отец — работал егерем. Пять лет назад он уехал из посёлка, где прожил всю жизнь, в тайгу, подальше от цивилизации, и теперь жил в собственноручно срубленном доме. Переехал он туда после смерти бабушки и жил совсем один, сутками напролёт пропадая в тайге.

Раньше мы довольно часто к нему ездили, потому что было у нас с отцом настоящее семейное увлечение, просто болезнь, которой, впрочем, страдали все наши предки-мужчины до неизвестно какого колена. Все мои прапрапра... были кузнецами. Это даже по фамилии было ясно: полное моё имя — Максим Викторович Кузнецов.

Дед рассказывал, что до революции к прадедам приезжали заказывать холодное оружие себе или кому-то в подарок даже генералы и губернаторы.

И в советские времена богатые люди приезжали к Кузнецовым заказать себе саблю или шашку. Простой люд же знал: всё, что сделано Кузнецовыми, не погнётся, не поломается, не подведёт в нужный момент.

Дед продолжал кузнечные традиции, и ему тоже известные всем люди заказывали кто кованый столик, кто меч на стену, кто ограду или ворота по эскизам художников. Дедушка брался за всё и работу делал так, что количество за-

казчиков всегда было огромным. Даже переехав после смерти бабушки в лесничество, он сразу после бани рядом со своим домом поставил кузню, правда, теперь уже ковал разные вещи только для себя.

Наверное, у нас с отцом что-то такое было заложено в крови, потому что при виде кузни у нас с ним возникало одинаковое чувство — поскорее раздуть горн и сунуть в него какой-нибудь прут, чтобы сделать из него неважно что. Вид, запах и звуки металла, деформирующегося под ударами молота, приносили нам настоящее удовольствие.

Правда, дед всегда ругался от таких наших бесцельных забав, он говорил, что мы только металл на лом переводим. Зато всегда показывал нам, как нужно выковать нож, или вилку, или косу, или иную нужную в хозяйстве вещь. Каждая ковалась по-своему: брался разный металл, грелся до разного цвета, по-разному ковался, а также закаливался и отпускался.

Глядя на работу деда по ковке сложных вещей, мы с отцом (я регулировал поддув горна, а отец был молотобойцем) не переставали удивляться тому, что дед творил с металлом. Порой нам не верилось, что на наковальне железо, а не мягкий пластилин. Но всё становилось на свои места, если за дело брались я или отец, — в наших руках металл оставался металлом. Тогда дед, ворча, что вырождаются в роду кузнецы, брал маленький молоток и направлял движение тяжёлого, одиннадцатикилограммового молота, которым с трудом орудовал отец.

Сидя рядом со старым пылесосом, который выполнял роль мехов, я регулировал трансформатором выходящую струю воздуха, когда дед командовал увеличить или уменьшить температуру углей в горне да сбрызгивал водой угли, чтобы они лучше держали жар.

Дед многому учил нас с отцом, но поскольку мы относились к профессии кузнеца только как к увлекательному хобби, то, понятное дело, успехи у нас обоих были неважные. Тем более что частота наших приездов к дедушке резко упала после его переезда в лесничество: дорога удлинилась на двести километров, и папа не мог ездить к нему даже раз в месяц.

Собирая вещи для завтрашней поездки, я с грустью смотрел на то место на столе, где раньше стоял комп: теперь тут красовалась мамина ваза, а сам компьютер переехал в комнату родителей. Как выразился отец, на неопределённый срок.

Это злило меня больше, чем поездка к деду. У него-то я поживу две недели и приеду назад, а вот потеря компа была существенным ударом.

«Ну ладно, — решил я. — Когда вернусь, уговорю предков вернуть комп на место».

— Может, всё же не поедете? — спросила мать, когда мы рано утром стояли одетые у двери. — Обещали сильную метель.

— Тань, не волнуйся, — ответил отец, целуя её на прощание. — Мы ведь на машине поедем, а не пешком. Всё будет хорошо, когда приедем, я тебе позвоню.

На дворе действительно была метель, резкий ветер кидал в лицо холодный снег. Машина была уже прогрета, и мы, погрузив вещи, тронулись в путь. Когда мы ехали по полупустым дорогам к выезду из города, метель ощущалась не так сильно, но как только мы выехали на трассу, ведущую к дедушкиному лесничеству, она превратилась в настоящий буран.

Резкие порывы сильного ветра заставляли вздрагивать нашу неновую «Волгу», хорошо хоть печка работала отлично и в салоне было тепло. Проехав километров сто, отец внезапно сказал:

— Действительно, зря мы поехали, такое впечатление, что в ураган попали. Видимость практически нулевая, в двух шагах ничего не видно, придётся сбавить скорость до минимума.

Я сдержал радость, а потом предложил:

— Давай вернёмся, а завтра, когда метель утихнет, поедем?

— Пожалуй, ты прав, — ответил отец. — Развернемся и поедем домой.

Развернувшись, мы так же медленно тронулись в обратный путь, но проехать удалось не более километра — боковой ветер дул с такой силой, что чуть не срывал автомобиль с трассы. Отец не стал рисковать и остановился.

— Придется ждать, — зло сказал он, стукнув по рулю рукой. — Чёртова погода!

Так мы просидели почти час, но ветер и не думал утихать, а только становился всё сильнее и сильнее.

От неподвижного сидения на одном месте у меня стали затекать ноги. Как я ни ерзал, онемение становилось только сильнее.

— Мне нужно немного размяться, — сказал я отцу, — иначе скоро вообще не буду чувствовать ног.

Отец покосился на меня и спросил:

— Ты готов выйти из машины?

Я кивнул.

Отец пожал плечами и сказал:

— Хозяин — барин, главное, не отходи очень далеко от машины.

Я попытался открыть дверь. Ветер рванул её у меня из рук с такой силой, что я едва не вылетел из машины.

Снаружи был жуткий холод.

Попрыгав немного вперед-назад, я разогрелся, кровь снова стала приливать к ногам. В очередной раз прыгнув и повернувшись, я посмотрел туда, где должна была стоять «Волга». И тут почувствовал, как у меня по спине потекли холодные струйки пота — машины не было.

Страх липкими руками схватил меня за сердце. Стараясь успокоиться и не паниковать, я остался стоять на месте и не побежал куда-то в пелену снежного бурана.

— Так, Макс, успокойся, — сказал я сам себе, стараясь задавить волнение. — Ты просто отошел чуть дальше, чем думал. Нужно просто пройти еще немного.

Сам себя подбадривая, я двинулся вперед. Буран ревел и кружился вокруг, едва не сбивая с ног. Внезапно по правую руку от себя я увидел странный мерцающий свет.

— Машина! — радостно вскрикнул я и бросился на свет.

Я тащился, утопая в выпавшем по колено снегу, а свет ближе не становился. Когда я почти выбился из сил, резкий

порыв ветра в спину швырнул меня вперёд, и я, пролетев в направлении мерцания несколько метров, провалился в сугроб и ударился головой обо что-то твердое. Шапка немного смягчила удар, но он всё же оказался настолько силён, что я потерял сознание.

Глава 2 РУФИУС АЗ ТАРОС

— Дьявол побери этого Магистра и его эксперименты, — возмущенно думал про себя Седьмой маг Круга Руфиус аз Тарос, — если этот старый дурак ставит тупые эксперименты вроде этих блуждающих порталов, то сам бы и расхлёбывал все последствия.

Маг был очень недоволен, так как Магистр Круга очень любил проводить различные эксперименты и вот пару лет назад придумал новый, а именно: запустить в мир пятьдесят блуждающих порталов, без привязки к пространству и местности, и посмотреть, кто в них попадётся.

Точку их выхода с этой стороны привязали к центру круга в одной из комнат лаборатории, окружённого шестью усиленными защитными полями. Всё бы ничего, но поскольку Магистр был вечно занят, то ответственным за этот эксперимент был назначен — а точнее, выбран «козлом отпущения» — самый младший, Седьмой маг Круга.

Вот уже третий год Руфиус возился с последствиями эксперимента. Хвала всем богам, за это время сработали почти все порталы, осталось дожидаться срабатывания последнего, и тогда маг был бы освобождён от исполнения изрядно поднадоевших обязанностей.

Чего только не насмотрелся и натерпелся Руфиус за эти годы! Порталы хватали предметы или живых существ выборочно, по неизвестному никому, кроме них самих, принципу, вследствие чего если сегодня Руфиус был вынужден убирать с пола огромную кучу камней, то завтра в лаборатории вполне мог оказаться свирепый хищник из неизвестных областей мира.

Руфиус не помнил, какой по счёту из порталов однажды закинул в комнату огромный кусок Кракена, который целиком забил всё место в круге и заставил трещать от нагрузки защитные поля. Пару раз, правда, в комнате оказывались и обычные люди, которые начинали очумело оглядывались вокруг и от испуга биться о защитные экраны.

С этими, честно говоря, было проще всего. Маг пускал в ход заклинание «Считывание памяти», сканирующее этих бедолаг, а затем открывал старый портал, находившийся где-то в далёком людском королевстве, и просто выкидывал их туда. Толку от их памяти, правда, было мало, все их знания по сравнению со знаниями мага Круга Семерых не стоили ничего.

— Ну когда же ты сработаешь? — практически взмолился Руфиус на последний из порталов. — Смогу я наконец убраться из этой комнаты и заняться своими делами, которых за эти годы накопилась целая куча?

Если бы он мог покинуть свой пост, то давно бы это сделал. К сожалению, Магистр хорошо помнил обо всех затеянных им экспериментах и с завидным упорством требовал отчётов у назначенных им ответственных лиц.

«Проклятый портал, — злобно подумал Руфиус, — без векторов направлений и привязки он может сработать и через минуту, и через пятьсот лет, а этот тупой Магистр не желает понять глупость подобных экспериментов».

Внезапно тренькнул магический колокольчик, означавший, что от последнего из порталов получен сигнал. Руфиус вздрогнул, и сердце у него забилось от счастья.

— Боги ответили на мои молитвы, — возликовал он и бросился в комнату приёма переносимых предметов.

Руфиус вбежал комнату и едва не заплакал от радости: последним перенесённым оказался какой-то крестьянин в странных одеждах.

«Сегодня точно счастливый день», — возликовал маг. Последний из порталов оказался одним из самых лёгких. Всё, что было нужно, — это произнести заклинание «Считывание памяти» из книги, лежавшей тут же на постаменте, и выбросить крестьянина через стандартный портал. Проще занятия не найти.

Руфиус решил сначала открыть книгу на нужной странице, а потом задействовать портал, чтобы, не теряя времени, избавиться от осточертевшего эксперимента Магистра.

— Господин Руфиус, — услышал он голос, — господин Руфиус!

Маг недовольно скривился и, машинально перелистывая страницы, откликнулся на зов:

— Кого там принесло? Здесь я.

В комнату вбежал Старший лингвист Магистра, которого тот использовал как по прямому назначению, так и в качестве посыльного. Впрочем, в этом качестве Магистр использовал и учеников других магов Круга, вызывая этим их недовольство. Правда, дальше недовольства дело не шло, так как Магистр был не только сильнейшим из всех магов Круга, но ещё и самым быстрым на расправу и запросто мог отрастить у провинившегося пару лишних конечностей, избавляясь от которых предоставлял самому пострадавшему. Поэтому недовольство магов Круга своим Магистром заключалось в тихом брюзжании между собой, но вдали от его ушей.

— Господин Руфиус, Магистр срочно требует вас к себе, для отчёта по эксперименту «Блуждающие порталы», — на одном дыхании выпалил запыхавшийся Старший лингвист.

Маг чуть не взвыл. Проклятый Магистр вызывал его именно тогда, когда для завершения этого тупого эксперимента осталось доделать последние мелочи. Если же он немедленно не помчится на вызов — эта крыса лингвист обязательно доложит тому о промедлении.

Руфиус с содроганием вспомнил, как всего лишь год назад ему пришлось за бешеные деньги избавляться от ослиного хвоста, которым Магистр наградил его как раз за опоздание на доклад.

Руфиус тяжело вздохнул. Если он сейчас закончит возню с крестьянином, перенесённым последним порталом, то сможет доложить Магистру о завершении эксперимента. Но, с другой стороны, если он потратит на это лишние десять минут, то Магистр запросто сможет наградить его чем-нибудь похуже ослиного хвоста.

«Ведь дел-то осталось — сущий пустяк, даже полный кретин справится с произнесением двух записанных в книге заклинаний», — озлобленно подумал он, собираясь к Магистру.

Тут его взгляд упал на стоящего рядом Старшего лингвиста, и в голову ему пришла отличная мысль. Если лингвист прочитает сначала одно заклинание, а затем другое, то получится именно то, что и требуется Руфиусу, который в это время будет на приёме у Магистра. Тогда маг сможет с чистой совестью доложить, что эксперимент закончен и последний из порталов принёс крестьянина.

«А то, что он так странно одет, — да и дьявол с ним, мало ли какую одежду носят на севере», — радостно думал он, прикидывая, сколько проблем решается одним удачным решением.

— Эй ты, как там тебя? — обратился он к Старшему лингвисту.

— Ростикс, господин, — кланяясь, ответил лингвист, ещё не догадываясь о задуманном магом.

— Я сейчас пойду к Магистру, а ты читаешь сначала вот это заклинание, — Руфиус открыл нужную страницу первой книги и показал лингвисту текст, — а затем вот это, — маг ткнул пальцем в страницу второй книги, лежавшей на другом постаменте, поближе к двери. — Вот и всё, что тебе нужно будет сделать. Понял?

Лингвист побледнел.

— Но, господин Руфиус, я же лингвист, а не маг, я не смогу произнести такие трудные заклинания.

— Читать язык рун ты умеешь? — насмешливо переспросил его маг. Старший лингвист обязан был его знать.

— Конечно, — кивнул головой Ростикс.

— Ну вот. Всё, что от тебя требуется, — это прочитать заклинание из первой книги, а потом другое, из второй. Надеюсь, на это у тебя хватит ума? Или ты и читать не умеешь? — злобно прорычал Руфиус, теряя драгоценные секунды на спор с лингвистом.

— Но, господин... — пролепетал лингвист.

— Всё!! Если я приду, а этот крестьянин будет всё ещё тут, то Магистр лишится одного из своих лингвистов. Не

думаю, что он заметит твоё исчезновение, — прорычал маг, бросаясь к выходу и со злости хлопая дверью.

Дрожащий от страха Старший лингвист даже не заметил, как порыв ветра от хлопнувшей двери перевернул несколько листов первой книги. Ростикс думал совершенно о другом: ведь Магистр действительно может не заметить исчезновения одного из многочисленных лингвистов, а даже если и заметит, то не будет из-за него предъявлять претензии другому магу.

«Неужели столько лет жизни, потраченных на изучение таких трудных языков, как оркский, гномий, не говоря уже о десятке других языков и диалектов, пропадут зря?» — с ужасом подумал Ростикс, подойдя к первому постаменту и глядя в книгу.

Буквы были знакомы, это действительно было рунное письмо, Ростикс его знал и легко мог прочитать нужное заклинание.

— Перенос знаний, — прочитал он название заклинания, написанное корявым подчерком, видимо, рукой самого Седьмого мага.

«А, вот оно что!» — с радостью вспомнил Ростикс подслушанный разговор учеников Руфиуса. Они говорили, что однажды наложили заклинание на пойманного и мгновенно узнали всё, что знал тот, а потом порталом перебросили жертву в какое-то людское королевство. «Стало быть, маг поручил мне всего-навсего переписать в себя знания крестьянина, а потом выкинуть его через портал», — облегчённо подумал Старший лингвист. Дело действительно было совсем простым.

Прежде чем приступить к чтению заклинания, Ростикс посмотрел на крестьянина, лежащего в центре круга, за надёжными защитными экранами. Обычный крестьянин, только одет как-то странно, да к тому же и в сознание ещё не пришёл. Решив не тянуть кота за хвост, Ростикс встал за первый постамент и прочитал заклинание. Пару секунд после этого у него покалывало в голове, но всё быстро прекратилось, боль отпустила. Лингвист задумчиво прислушался к своим ощущениям. Странно, но никаких новых знаний он не приобрёл.

«Крестьянин, наверное, настолько туп, что никаких знаний от него ко мне не перешло, раз я ничего не ощущаю», — с гордостью за себя подумал Ростикс, по привычке захлопывая книгу и переходя ко второму постаменту.

Второе заклинание было короче и проще первого. Произнеся его, Ростикс увидел, как открывшийся портал, жёстко привязанный магом к центру комнаты, поглотил крестьянина и отправил его к тому неведомому месту, которое располагалось на другом его конце.

— Ну вот и всё, — обрадованно сказал сам себе Ростикс и, облегчённо вздохнув при мысли о том, как ловко он отвёл от себя возможный гнев Седьмого мага, отправился по своим делам.

Руфиус вернулся в лабораторию в отличном настроении, Магистр был удовлетворён и его скорым появлением, и результатами окончившегося эксперимента. Довольный собой маг зашёл в комнату и, увидев, что в ней нет ни лингвиста, ни крестьянина, радостно потёр ладони — эксперимент действительно полностью завершён и теперь можно заняться своими делами.

Глава 3 НОВОЕ МЕСТО

Я застонал, голова у меня раскалывалась, как будто мне в неё прилетела шайба, а я был без шлема. Не раскрывая глаз, я схватился за неё руками. В лицо мне дул тёплый ветерок, неподалёку защебетали птицы.

«Так, стоп, — щёлкнуло у меня в мозгу. — Какой тёплый ветерок, какие птички? Сейчас ведь метель, зима на дворе».

Быстро открыв глаза, я огляделся, и мне стало плохо.

«Это у меня глюки или головой об камень так хорошо приложился? — пришла первая мысль. — Или, может, я уже умер и нахожусь в раю?»

Вторая мысль заставила меня вспотеть ещё сильнее, приподняться и сесть на землю.

Глаза, уши, нос, пальцы — всё говорило о том, что окружающее существует на самом деле. Я сидел на опушке зелёного леса, а тёплый ветер приятно обдувал вспотевшее лицо. Всё ещё ничего не понимая, я встал и ещё раз огляделся. Теперь я уже точно запаниковал, в сердце ворвался жуткий страх и я в отчаянье заколотил себя кулаками по ногам.

Позади меня был лес, а спереди и по сторонам — поле зреющей пшеницы, её я видел раньше в посёлке у дедушки. Вокруг меня было не только лето, но и полностью незнакомая местность. Асфальтовой дороги не было и в помине, куда ни глянь — всюду или лес, или поле.

Через некоторое время ноги, по которым я так здорово прошёлся кулаками, начали болеть, и мне пришлось прекратить собственную экзекуцию.

— Так, Макс, хватит паниковать, — приказал я себе. — Успокойся и приведи себя в порядок. В передачах по телевизору показывали всякое, возможно, тебя просто забросило на другую сторону земного шара, где сейчас лето. Нужно пойти, найти людей и узнать, куда я попал.

Решив это для себя, я обрёл спокойствие. Поскольку я сильно вспотел, находясь в зимнем пуховике, шапке и перчатках, то для начала разделся до рубашки и, подобрав валявшуюся неподалёку палку, связал всю одежду в узел и продел получившийся ком через неё, как обычно вешал свой мешок с формой на клюшку.

Тёплый ветерок приятно дул, обдувая мокрое тело со всех сторон.

— Так, куда идти? — спросил я сам себя.

Идти было всё равно куда, так как дороги в наличии не имелось.

— Если всё равно, куда идти, то пойду по краю поля, ведь кто-то же его засеял, и ему может не понравиться, если я потопчу пшеницу, — рассудил я.

Определившись с направлением, я двинулся в путь.

«Странно, — подумал я, — воздух тут даже чище, чем у дедушки в тайге. Интересно, куда я попал? Что за страна такая? Может быть, Южная Америка или Африка?» — С гео-

графией я не очень дружил, поэтому не смог ответить на свой вопрос.

Вдруг я услышал звук ударов и смех подростков.

— Люди, — облегчённо вздохнул я и пошёл в ту сторону.

Подойдя ближе, я увидел дикую сцену: группа подростков в странных одеждах, одного возраста со мной, окружили лежащего на земле старика и пинали его ногами, радостно гогоча, когда тот дёргался от ударов.

Старика я разглядел с трудом, подростки его загораживали, но я успел заметить, что он также одет в старинные одежды, как будто сошёл со средневековой картины: чёрный с серебром камзол с рукавами-«фонариками» и смешные чулки, выходящие из «фонариков»-шорт. Подростки, впрочем, были одеты точно так же.

— Ну что, дедуля, отпишешь на меня свою землю? — внезапно раздался голос одного из подростков, одетого лучше других. — Обещаю, я буду хорошим наследником и буду тебя кормить... иногда.

Услышав его последние слова, шестеро подростков опять заржали.

Я сначала не поверил своим ушам, но хоть подростки и говорили на незнакомом мне языке, но я их прекрасно понимал и, пожалуй, даже смог бы ответить им на этом же языке. Неведомым для меня образом в голове моей также было множество других знаний: о каких-то гномах, орках, различных мерах измерений, особенностях произношений и прочем. Едва я стал копаться в этом слое знаний, как у меня дико заболела голова.

«Позже разберусь с этим», — решил я, сначала нужно определиться, где я.

«Интересно, куда же я всё-таки попал», — подумал я, слушая речи подростков. Хоть я и понимал их, но внутренне чувствовал, что такого языка не слышал по телевизору.

Тем временем старик что-то тихо ответил подросткам, и те, словно взбесившись, опять набросились на него, пиная ногами. Такого выдержать было уже нельзя: хоть врагов

было очень много, но оставить старика им на растерзание я не мог.

Сняв одежду с палки, я поудобнее её перехватил и с диким криком бросился на подростков, мечтая, что они испугаются и убегут. Те, едва завидев меня, сначала побледнели, но, поняв, что я один, заухмылялись и, вытягивая из ножен на поясах короткие узкие мечи, шагнули мне навстречу.

Я напрягся, их железки выглядели уж очень натурально, мне ли не знать, как блестит сталь, играя на солнце отполированными гранями.

— Сейчас мы этого простолюдина распустим на лоскуты, — проговорил один из них, делая знак рукой остальным.

Все замерли, а он приближался ко мне, помахивая мечом с лезвием в два пальца шириной.

У меня по спине пробежали мурашки — я понял, что меч действительно настоящий, а не пластиковый муляж из магазина, крашенный серебром. По уверенному и наглому лицу пацана я понял, что он не шутит и меня действительно сейчас нашинкуют.

«Блин, куда я попал, — испугался я, — не похоже, что тут кино снимают: нет ни камер, ни других актёров».

— Ну что, деревенщина, страшно? — усмехнулся парень, довольно улыбаясь. — Если упадёшь на колени и вылижешь мне языком сапоги, то, так и быть, не буду тебя убивать. Подрежу только уши, чтобы следующий раз знал, как мешать графу Рональду.

От безысходности я выставил перед собой палку. Подростки отвлеклись от старика и дружно захохотали над моей, безусловно, глупой выходкой: противопоставить мечу кривую палку.

— Ромуальд, проткни его быстрее, — крикнул лучше всех одетый подросток, выглядевший главарём этой банды, — а то прискачет управляющий и всё веселье нам испортит.

Старик приподнялся с земли и, видимо, хотел мне что-то крикнуть, но удар ногой поверг его на землю, заставив зайти в тяжёлом кашле.

— Вы чего, гады, творите? — только и смог прошипеть я. — Приедет милиция, и вас посадят надолго.

Подростки снова засмеялись. Стоявший напротив меня пацан взмахнул мечом и срубил часть палки, которую я выставил в качестве блока. Руки обожгло болью от удара, но я смог сдержаться и не бросить остаток бесполезной деревяшки: почему-то я держался за неё, как утопающий за соломинку.

— Ромуальд, чего ты там возишься? — капризно спросил один из подростков, обращаясь к моему противнику.

— Хочу поиграться с ним, — ответил Ромуальд, выбивая остатки палки у меня из рук. — Чтобы ты знал, смерд, — сказал он перед следующим взмахом меча, — никто не спасёт ни тебя, ни этого старикашку.

Меч нёсся ко мне с большой скоростью, и только мои вратарские навыки позволили мне от него уклониться. Я отпрыгнул назад и едва не упал.

— Прыгучий какой, — рассмеялся подросток, делая колющий выпад.

От этого удара я опять уклонился, уйдя влево.

— Ромуальд, — крикнул главарь шайки, — мне самому им заняться? Ты смерда заколоть не можешь?

— Но, Рональд, — ответил немного обескураженный подросток, видя, как я уклоняюсь от его выпадов, — он сколький, как змея.

— Ну так наколи его, как змею, — ответил подросток, чем вызвал смех остальных своих друзей.

Следующие две минуты я прыгал и скакал, как настоящий кузнечик, с трудом уклоняясь от свистящего меча. Правда, один раз я сплоховал, и кончик меча коснулся плеча, располосовав рубаху. Плечо обожгло болью, показалась кровь.

Увидев её, противник радостно вскрикнул и бросился атаковать с удвоенной быстротой. Я понял, что смогу продержаться от силы пару минут. Если до этого меня выручала моя скорость, то теперь я основательно выдохся, к тому же текущая кровь здорово действовала мне на нервы, заставляя сердце сжиматься от страха.

— Ага, — завопил Ромуальд, увидев, что я споткнулся о камень и растянулся на земле, — допрыгался, холоп!

Он занёс надо мной своё оружие, и я уже приготовился к смерти, как вдруг меч с громким звоном вылетел из его руки. Я удивлённо посмотрел на подростка и, видя, что он сам находится в ещё большем недоумении, посмотрел туда, куда упал меч. Оказалось, что рядом с ним лежит сломанная стрела с четырёхгранным наконечником.

Сразу вслед за этим, с совсем небольшим промежутком, ещё пять стрел выбили мечи из рук других подростков. Те закричали от боли, тряся выбитыми кистями. Один из них попытался поднять оружие, но прилетевшая со стороны пшеничного поля стрела пробила ему ногу — подросток упал на землю и закричал от боли.

Вся банда с испугом замерла на месте, а затем, подхватив раненого под руки, бросилась наутёк, поняв, что стрелок не шутит и может перестрелять их, как куропаток. Их мечи остались лежать на земле.

Я с трудом поднялся и пошёл к старику, едва переставляя натруженные прыжками ноги.

— Дедушка, с вами всё в порядке? — вежливо спросил я, поднимая старика с земли и отряхивая его странный наряд от пыли.

Старик по-прежнему кашлял, но уже не так сильно.

— Нет... кхы... но мне уже... кхы... кхы... лучше, — проговорил он, поднимаясь с земли и опираясь на моё плечо.

— Хозяин, как вы? — раздался голос сзади меня, и я с испугом повернул голову.

С поля к нам выходил ещё один старик, только вооружённый длинным, в свой рост, луком. На спине у него висел колчан со стрелами. Я понял, что это и есть тот неизвестный стрелок, который спас нас со стариком.

— А, это ты, Гран, — улыбнулся пострадавший подходящему лучнику, который сразу же подхватил старика с другого бока. — Ты, как обычно, вовремя, сколько раз ты уже мне жизнь спасал, я уже сбился со счёту.

— Хозяин, ну что вы, — ответил второй старик. — Да если бы не вы, то моих детей растерзали бы собаки графа

Рональда, и потом вы дали денег, чтобы моя семья переехала в другое герцогство. Я у вас в неоплатном долгу.

— Перестань, Гран, — грустно улыбнулся старик, — ты начал спасать мне жизнь ещё во времена Первой войны магов. Так что это я в долгу перед тобой.

— Уважаемые дедушки, — перебил я их, — может, быстрее смотаемся отсюда, пока они не вернулись с подкреплением? Я предлагаю обратиться к местным органам правопорядка и написать жалобу на действия этих хулиганов. Их должны наказать, они чуть не убили меня и вас.

Старики непонимающе на меня посмотрели, и тот, кого другой называл хозяином, ответил:

— Не знаю, кто ты, юный отрок, но у нас нет, как ты сказал, «милиции», и я даже не знаю такого слова. Так же точно то, что графа Рональда никто никуда не посадит, его отец — герцог Нариг. Единственное, в чём ты прав, так это в том, что нам нужно быстро уходить отсюда, пока они не вернулись за своими мечами.

Я поднял свои вещи, и мы зашагали в сторону, указанную Граном, бережно помогавшим идти своему хозяину.

Пока мы шли, я решил что больше не буду высказывать свои мысли, пока не разберусь, куда я попал: все эти графы, мечи, «хозяины», Первые магические войны сбивали меня с толку. У меня было такое чувство, что я попал в сказку для детей или в Средние века.

«Но ведь этого просто не может быть, — поправил я себя, — этого просто не может быть».

Очень скоро мы вошли в деревню, и навстречу нам высыпала толпа людей. Глядя на их облачение, я понял, что они одеты очень просто, так, как крестьяне во всевозможных фильмах о сказочных рыцарях, спасающих принцесс. Не хватало только самих рыцарей.

Женщины с жалостью всплёскивали руками, а мужчины недовольно морщили лица, когда мы проходили мимо них.

— Скоро хозяина убьют, а нас отдадут герцогу Наригу, он-то с нами поквитается за то, что пошли против его воли и не сбежали к другим господам, — услышал я шепот одной из женщин.

— И без того его солдаты топчут наши поля и насилюют наших дочерей, — заплакала та, которой адресовались эти слова, — лучше бы барон согласился и переписал последнюю деревню герцогу.

— Не вашего ума дело, бабы, — прикрикнул на них стоявший рядом мужик, — наплачетесь ещё горькими слезами, когда перейдём к герцогу и его похотливому сынку.

Весь разговор я слышал, и во мне стало зреть огромное зерно сомнения: что, если я попал в какой-то параллельный мир и мой дом вовсе не здесь, а неизвестно где? Нужно срочно искать мага или волшебника, который отправит меня домой.

От этих мыслей на глаза мне навернулись слёзы, и, чтобы их никто не увидел, я сделал вид, что в глаз попала соринка.

За деревней мы прошли через большой фруктовый сад и вышли на дорогу, ведущую к небольшому замку. Я от восхищения открыл рот — это действительно был самый настоящий замок со всеми полагающимися ему атрибутами: рвом, подъёмным мостом, крепостной стеной с воротами, развевающимися знаменами на остроконечных вершинах угловых и центральной башен. Такое я раньше видел только на картинках или в кино.

Правда, когда мы подошли ближе к воротам, действительность оказалась куда неприглядней: от рва остался лишь небольшой бруствер, мост был без цепей и вряд ли когда-нибудь сможет быть поднят. Сам же замок был похож на идущих рядом со мной стариков: он явно знал лучшие времена.

Даже мне было понятно, что замку нужен срочный ремонт, так как ветхие стены грозили обрушиться сами, не дожидаясь осаждающих их войск.

— Хозяин, что случилось? — раздались крики из замка, и навстречу нам выбежали две пожилые женщины, которые, осматривая нас, горестно запричитали.

— Так, всем молчать! — приказал старик, в голосе которого неожиданно зазвенел металл. — Этот юноша спас меня от графа Рональда и является моим почётным гостем. Выделите ему гостевую комнату, ближайшую ко мне.

— Но, хозяин, — перебила его одна из женщин, — там давно нет мебели, мы всё сожгли этой зимой, так как не было дров. Мы можем его устроить только в помещении слуг, это единственное место, где остались лавки.

Старик виновато посмотрел на меня.

— Вы не расстраивайтесь, бабушка, — поспешил успокоить я его, — я у вас ненадолго задержусь, приведу себя в порядок и завтра пойду искать магов.

Как только я сказал последнее слово, то понял, что опять ляпнул не то. Лица всех присутствующих стали земляного цвета, а Гран вообще подскочил ко мне и заткнул рот ладонью, озираясь по сторонам.

Старик так же осторожно огляделся, но, видимо, успокоившись, тихо произнёс:

— Я не знаю, кто ты, юный отрок, но, если тебе дорога жизнь, никогда не произноси этого слова в нашем королевстве. Да и вообще, если хочешь прожить чуть дольше, чем пару минут, не произноси этого слова вслух. Если на тебя просто подумают, что ты ищешь связи с неназываемыми, тебя казнят, но сначала будут пытаться две недели, чтобы вызнать о них больше.

Видя состояние окружающих, я понял, что они ни капельки не шутят, и решил отныне вообще держать рот на замке, пока не развешу, куда я попал.

— Иди умойся, отдохни с дороги, устройся на ночлег, — продолжил уже спокойным тоном старик, — а через два часа, за ужином, ты нам всё расскажешь.

Я поблагодарил его и отправился вслед за женщинами, которые тут же стали меня расспрашивать, кто я, откуда, почему одет в такую странную одежду, как познакомился с бароном Кроном. Я тут же придумал легенду, которой собирался придерживаться в дальнейшем. Ничего не помню, кто я — не знаю, очнулся в лесу, брёл куда глаза глядят и встретил барона, на которого напали. Так мы и познакомились.

Женщины поохали и погладили меня по голове, говоря, что потерять себя — это самое страшное, что может случиться с человеком.

За этими разговорами мы пришли в небольшое полутёмное помещение в угловой башне замка. Там было всё: от кухонных очагов до лавок, заваленных тряпьем и шкурами.

— Ну вот, это твоя лавка, — кивнула мне одна из женщин, когда закончила перевязку моего поцарапанного местом плеча.

Я посмотрел на указанное ею место.

— Бедный Таль скончался от холода этой зимой, и больше некому носить дрова в замок. Не Грану же или безрукому их таскать.

Я поблагодарил её и направился к лавке. Кругом стояла такая вонь, что я сморщил нос. Как они вообще тут живут?

Идя к лавке, я наступил на мышь и отпрыгнул, когда несколько десятков этих тварей бросились от меня врассыпную, недовольно попискивая. Меня едва не стошнило, а когда я разглядел в полутьме, что лежащие на лавке тряпки чуть шевелятся, то, едва сдерживаясь, бросился наружу. В этом месте я точно спать не буду.

Выскочив из башни, я осмотрелся, ища, где бы мне остановиться на ночь. Тут я услышал до боли знакомые звуки, которые всколыхнули мою кровь, — где-то тут была кузня, и в ней кто-то работал. Я двинулся туда с мыслью: лучше попрошусь ночевать в кузне на свежем воздухе, чем лягу в том клоповнике.

Обогнув угол башни, я увидел то, что искал. Кузня стояла на заднем дворе замка, отдельно от всех построек, именно оттуда раздавались звуки ударов молота о металл. Подойдя ближе, я был приятно удивлён: кузня оказалась лучшим строением в этом замке — ни одного покосившегося или выпавшего камня, кроме того, всё было промазано глиной.

«Видимо, здесь работает настоящий кузнец», — с уважением подумал я, заходя под навес.

Хозяин кузни оказался ростом вровень мне, правда, в ширину был как большой двустворчатый холодильник в доме маминых друзей. Я встал слева от наковальни, за спиной кузнеца, и стал наблюдать за совершающимся таинст-

вом. Кузнец ковал подкову, медленно, аккуратно проковывая каждый её миллиметр. Почувствовав, что в кузне кто-то есть, он повернулся, и я невольно разинул рот. Больше всего меня поразило не то, что вместо рук у кузнеца были металлические протезы в виде клещей и молотка, а то, что он был гномом. Классическим таким гномом из кинофильмов и фэнтезийных книг, что я иногда почитывал. Низкие надбровные дуги, нос картошкой, борода, заправленная в кожаный фартук, маленькие косички, висящие из-под кожного колпака на голове, — в общем, на меня недовольно смотрел яркий представитель Подгорного племени. Память услужливо подсказала обычное приветствие гномов, и я рискнул поприветствовать недовольного гнома на его же языке, который я, оказывается, тоже знал.

— Приветствую мастера Подгорного племени, — обратился я к нему на гномьем языке, как услужливо подсказала неизвестная часть моей памяти, как «основном наречии Подгорного племени».

Брови гнома немного поднялись, но тут же вернулись на место. Он внимательно на меня посмотрел, и его брови снова поднялись вверх. Неожиданно, так же на гномьем, он произнёс:

— Надевай фартук, бери молот и сделай мне подкову.

Я удивлённо на него посмотрел, но спорить не стал. Сняв одежду, чтобы не прожечь её, я остался в одних трусах. Затем надел фартук и, взяв горновые клещи для закладки металла в горн, подошёл к куче лежащих обрезков металла, выбрал кусок, подходящий по размеру для подковы, и сунул его в огонь. Гном тем временем закончил работу и положил подкову на камни рядом с половиной деревянной бочки, по которой журча бежал ручей, держа её всегда полной.

Гном отодвинулся от наковальни и внимательно стал на меня смотреть. Поняв, что он устраивает мне проверку, я не захотел подвести своего дедушку и постарался вспомнить всё, чему он меня учил. Странно, но все мои знания прекрасно вспомнились, даже те слова деда, которые, как я думал, навсегда забыл. Особенно странно это было потому, что я помнил слова деда и отца только касаясь кузни и металла, а всё остальное вспомнить не мог, как ни старался.

Подойдя к горну, я посмотрел вниз. Там располагались ножные мехи, с помощью которых, со слов деда, раньше в горн для увеличения температуры пламени закачивался воздух. Затем я посмотрел в горн и увидел, что угли пышут жаром.

«Всегда сбрызгивай угли водой, — вспомнились слова деда, — так и стабильный нагрев металлу дашь, и он быстрее нагреется». Я зачерпнул ковшом воды из ручейка и слегка сбрызнул угли: они зашипели и покрылись чёрной коркой. Отложив ковш, я стал давить ногой на меха, разогревая угли и металл. Временами, когда с углей сходила чёрная корка, я снова сбрызгивал их водой.

Посмотрев на цвет куска металла, лежащего в горне, я задумался: в зависимости от марки металла или стали существовала и температура его нагрева. По идее, работая с незнакомым материалом, я должен был засечь все цвета, которые проходит металл до пережога, но мне не хотелось портить заготовку на глазах у гнома, поэтому я повернулся к нему и решил пока разговаривать с ним на гномьем:

— Цвет?

Гном хмыкнул и ответил:

— Белый.

Поработав мехами, я довёл кусок железа до белого каления. Прежде чем достать его из горна, я подошёл к уже выкованной гномом подкове и, взяв её ковочными клещами, осмотрел со всех сторон: нужно было уточнить форму, наличие шипов и прочие нужные вещи. Запомнив всё это, я подошёл к горну, вытащил клещами поковку, взял в руки небольшой молот и нужные для формирования подковы инструменты: дорожник, пробойник, шпильку.

Странно, но всё, что сейчас делал самостоятельно, я бы никогда не смог повторить дома без дедушкиной помощи. В этом странном месте, в которое я попал, все, что когда-либо о металлах говорил дед, всплывало в памяти так отчётливо, будто это было сказано им вчера.

«Жаль, что только о металле», — с сожалением подумал я.

Поэтому, помня всю последовательность действий, я начал работать: сначала вытащил полоску металла, сделал с помощью инструментов шипы на концах, затем прорубил

гвоздевую дорожку. Когда я закончил первый этап, руки мои едва держали инструмент и тряслись от усталости — всё же навыка работы у меня было меньше, чем знаний. Но, держась на одной воле, я смог закончить первый этап работы и снова сунул полоску в горн для нагрева, поскольку она уже остыла. Когда заготовка снова стала белой, я вытащил её и сделал средний шип, а также пробил отверстия под гвозди.

Затем снова положил её в горн. Пока почти готовая подкова грелась, я опять взял в руки уже остывшую подкову, выкованную гномом, и ещё раз оглядел её: на третьем этапековки нужно было согнуть заготовку по шаблону, потом отбухтовать внутреннюю кромку и, наконец, выровнять.

За один проход у меня это сделать не получилось, пришлось ещё два раза нагревать металл, чтобы закончить всё необходимое. Когда я клещами выносил готовую подкову, чтобы положить её на камни для остывания, то едва держался на ногах: руки и ноги дрожали от непривычной работы, пот заливал мне лицо, а ладони грозили вскоре покрыться нешуточными мозолями. Но, украдкой глядя на гнома, я был счастлив, и моё самомнение стремительно увеличивалось — во время моей работы выражение лица гнома менялось, как погода. Сначала оно было презрительным, затем стало проступать удивление, потом недоумение, а теперь, когда я выложил подкову для остывания, гном выглядел откровенно ошарашенным. Его высоко поднятые брови и закушенная во рту борода выдавали крайнее изумление.

Не говоря ни слова, он подошёл к ещё не остывшей подкове, взял её клещами протеза, поднёс к глазам и внимательно осмотрел.

Когда моя гордость за себя стала выплывать наружу в виде счастливой улыбки на пол-лица, гном обрушил меня на землю, обломив всё:

— Качество плохое,ковка отвратительная, подкова годится, только чтобы на забор повесить, воров отгонять. И то навряд ли поможет, — закончил гном свою речь.

Повернувшись ко мне спиной, он выбросил с таким трудом сделанную подкову в кучу железного хлама, который лежал перед кузней.